

Научные дискуссии

С. Г. Новиков

ВОСПИТАНИЕ БЫТОВОЙ МОРАЛИ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ 1920–1930-х ГОДОВ

УДК 37.014

ББК 74.03

В статье рассматривается деятельность по изменению нравственных основ образа жизни рабочей молодежи в 1920–1930-е гг. Автор показывает, что на решение этой проблемы вожди большевизма решили сфокусировать усилия всей государственно-общественной системы воспитания.

Ключевые слова: воспитание, бытовая мораль, рабочая молодежь, образ жизни, модернизация.

S. G. Novikov

UPBRINGING OF EVERYDAY MORALITY OF THE YOUNG WORKERS IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION OF RUSSIA IN THE 1920–1930-s

The article deals with activities to change the moral foundations of the way of life of the young workers in the 1920–1930-s. The author shows that Bolshevik leaders decided to focus the efforts of system of Upbringing at the solution of this problem.

Key words: Upbringing, everyday morality, young workers, way of life, modernization.

С окончанием гражданской войны и переходом к «мирному строительству» перед новыми властями России возникла важная и чрезвычайно сложная задача воспитания подрастающего поколения, способного осуществить ускоренную модернизацию страны. Объектом особого внимания воспитательных структур стала рабочая молодежь, с которой лидеры большевистского режима связывали надежды на продолжение революционного процесса. Ведь именно рабочий класс являлся по официальной идеологии классом-гегемоном и был своего рода «коммунистической иконой» — объектом поклонения и инструментом благого воздействия на остальные социальные слои. Однако в реальности данный класс стремительно обновлялся, включая в свой состав выходцев из самых разных страт (преимущественно молодых людей). В середине 1920-х годов рабочие цензовой промышленности на четверть состояли из молодежи (а доля юношей и девушек в возрасте до 23 лет в возрастной структуре населения СССР была еще большей, приближаясь к 50 %) [10. С. 9].

Между тем, в повседневной жизни рабочей молодежи наблюдались разнообразные негативные явления, называвшиеся политиками, учеными и публицистами того времени «болезнями быта»: пьянство и хулиганство, половая распущенность, неряшливость. Указанные поведенческие образцы были широко распространены не только в маргинальных слоях юных пролетариев, но и среди их «передовой» части. Живописуя быт «революционного

молодняка», публицист-современник сообщал: «Комсомольцы пьянствуют. Надувшись самогону, бегают за *беспартийной* (подчеркнуто нами — С. Н.) молодежью. Если беспартийный носит брюки галифе, его ловят и заставляют обрезать брюки» [19. С. 49].

По данным выборочных обследований, рабочая молодежь в середине 1920-х гг. тратила на спиртное в среднем 16—17 % заработной платы [6. 1928. № 16. С. 12]. А двухгодичное социологическое исследование молодежи ленинградского завода им. К. Маркса показало, что склонностью к выпивке страдало 70 % молодых рабочих, причем 65 % из них начали употреблять вино в возрасте от 14 до 18 лет [2. С. 22].

Поведение молодых людей, осуждаемое традиционной моралью, могло становиться ступенькой, ведущей не просто к аморальным поступкам, но и к уголовным преступлениям. Так, с хулиганства начинали участники групповых изнасилований в Ленинграде и Харькове, потрясшие общественность страны.

Поэтому неудивительно, что моральные основы повседневной жизни юных пролетариев оказались предметом анализа самых видных деятелей большевистского режима: Н. И. Бухарина, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарского, Л. Д. Троцкого, Е. А. Преображенского, Е. М. Ярославского. Они хорошо понимали, что быт, благодаря своим широким пространственно-временным границам, выступает мощным фактором изменения нравственного сознания моло-

дежи. По сути, лидеры большевизма следовали замечанию основоположника марксизма, писавшего, что свободное время, «представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности — разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства» [17. С. 221]. Иными словами, руководители «воспитательного фронта» рассматривали «здоровый досуг» молодежи как важнейшее условие повышения производительности труда, успеха индустриальной модернизации страны.

Кроме того, большевистские теоретики воспитания видели в нравственно оправданных формах бытовой жизнедеятельности явное доказательство *необратимости* позитивных изменений в моральном сознании юношей и девушек. Большевики помнили замечание своего вождя В. И. Ленина о том, что моральные нормы утверждаются достаточно прочно лишь тогда, когда они входят «в культуру, в быт, в привычки» [14. С. 390]. Развивая эту мысль, нарком просвещения А. В. Луначарский писал: «...политика является орудием для совершения хозяйственного переворота, хозяйство является базой для переворота бытового, для изменения повседневного существования каждого человека» [15. С. 6].

Поэтому именно на бытовой морали рабочей молодежи вожди большевизма решили сфокусировать усилия всей государственно-общественной системы воспитания — образователь-

ных и культурно-просветительских учреждений, ВЛКСМ (организации специально созданной для формирования «нового человека»). Высший орган правящей партии (и *фактически*, высший орган власти), формулируя задачи индустриального преобразования страны, заявил, что «элементы распушенности и анархизма в быту» должны стать «объектом решительной борьбы со стороны организованной части пролетарского юношества» [9. С. 466].

Прежде всего, было решено наладить «разумный досуг» подростков и юношества. «Пьяным застольям» противопоставлялись вечера самодеятельности, кружки по интересам, «красные посиделки», конкурсы гармонистов и балалаечников, которые не только выявляли талантливых музыкантов-любителей, но и объединяли молодых людей на основе трезвого образа жизни.

Признание получили ТРАМы — театры рабочей молодежи, ставившие на своих сценах злободневные пьесы. В 1926 г. только ленинградский ТРАМ дал 80 спектаклей, которые посетили 45 тыс. человек. За относительно короткий промежуток времени (1927 — начало 1928 г.) он выступил с 231 спектаклем для 134,4 тыс. человек [24. С. 37; 18. С. 50]. Количество подобных театров постоянно росло: если в 1927 г. в стране было лишь 10, то в 1931 г. — уже 80 ТРАМов. В 1931 г. они объединяли 4 тыс. человек, среди которых 85 % были молодыми рабочими [25. С. 54; 26. С. 475].

На предприятиях создавались ТРАМ-ядра. В Ленинграде пер-

вое такое объединение появилось в 1928 г. на Ижорском заводе, но уже вскоре данный опыт был подхвачен и другими производственными коллективами — «Электросилой», Пролетарским и Металлическим заводами. Чаще всего социально активная молодежь посредством театральных постановок реагировала на те проблемы, с которыми непосредственно сталкивалась в быту и на производстве. Отсюда — и названия пьес: «Будни», «Мещанки», «Бузливая когорта», «Даешь», «Скука». Благодаря актуальности сюжетов и узнаваемости образов, постановки пользовались большой популярностью [21. С. 128].

Наполнить свободное время подростков и юношества достойным содержанием старались также юнсекции клубов. По их инициативе для рабочей молодежи организовывались драматические, хоровые и другие кружки, регулярно проводились лекции и беседы. В силу особенностей своего возраста «пролетарский молодежник» активно участвовал в работе указанных структур. Так, в 14 московских клубах, обслуживавших 89 предприятий столицы, доля рабочей молодежи достигла 47,7 % от общего количества членов, в то время как взрослых рабочих — только 27,5 %. В отдельных же клубах удельный вес подростков и юношества был еще выше [5. Оп.10.Д.453.Л.24-25 об.]. По данным обследования 191 завода, на 1 января 1927 г. молодежь в кружках заводских клубов составляла 63,1 % [5. Оп.11.Д.472.Л.57].

Судить о культурной программе клубов и деятельности их юношеских секций позволяет опыт клуба им. Ле-

нина сталинградского завода «Красный Октябрь». За шесть с половиной месяцев (с середины октября 1926 г. по май 1927 г.) в нем прошли агитсуды (на них присутствовало в среднем 305 чел.), вечера вопросов и ответов, диспуты, киносеансы, выступления художественной самодеятельности, семейные вечера (со средней посещаемостью соответственно 400, 500, 1070, 500 и 356 чел.). Молодежь составляла от 39,3 % до 65,3 % аудитории [12. 1927. 5 июня].

В поиски форм «здорового досуга» включились, наряду с клубами, и так называемые ядра быта (бытовые группы, инициативные группы). Они создавались юными производственниками, не желавшими более терпеть факты пьянства и хулиганства своих товарищей, многочисленные проявления «нетоварищеского отношения к девушке», нарушения общественного порядка и трудовой дисциплины. Члены этих «ядер» выступали инициаторами экскурсий, прогулок, тематических вечеров. Они занимались также обследованием жилищ, проверкой бюджета молодых рабочих. Целью последней работы было определение того, способствуют или нет формы времяпровождения и структура расходов совершенствованию личности молодого человека [11. 1926. 22 декабря].

Для пропаганды нравственно оправданных форм повседневной жизни и борьбы с «нездоровым досугом» организовывались демонстрации. К ним, в частности, прибегали комсомольские ячейки для преодоления пьянства в рабочей среде. Причем политичес-

ки активная молодежь привлекала к демонстрациям несовершеннолетних детей [28. 1928. № 4. С. 4,7; № 5. С. 7, 9, 10]. Так, в Сталинграде в ноябре 1928 г. на улицы вышло 12 тысяч детей. У ворот заводов они скандировали лозунги: «Отец, брось пить! Отец, не бей мать! Отец, будь человеком!» У наиболее известных пивных, лавок Госспирта прикреплялись плакаты: «Здесь пьют наши отцы. Закрой-те торговлю, которая приносит нам несчастье», «Горсовет, закрой пивные». Подобный же эмоциональный настрой демонстрировали школьники Сормова. Они несли плакаты: «Твоя рюмка водки — кусок мяса, отнятый у сына!», «Твоя повседневная пара пива — разутые и раздетые дети!», «Твое беспробудное пьянство — голод, нищета твоей семьи!» [2. С. 82]. Антиалкогольные демонстрации устраивали дети рабочих Трехгорной мануфактуры, «Красного путиловца». А в Переславле состоялось двухтысячное шествие пионеров и школьников под лозунгами «Пьяница — вредитель социалистического строительства», «Пьянка губит семью», «Не подрывай производство». В Москве семьсот детей из школ Бауманского района во время проведения митинга у завода ГЭТ не выпустили до его окончания с предприятия ни одного рабочего. Наряду с врачами и пролетариями. на этом антиалкогольном мероприятии выступил также десятилетний пионер [28. 1928. № 6. С. 8—12; 1929. № 1. С. 13; № 2. С. 9]. Организаторы перечисленных акций преследовали двоякую цель. Они желали, с одной стороны, привить нетерпимое отношение

к пьянству детям, подросткам и молодежи и, с другой стороны, оказать морально-психологическое воздействие на взрослых рабочих. Трудно сказать, насколько глубокий след антиалкогольные демонстрации оставили в душах их юных участников. Но что касается совершеннолетних «героев» манифестаций, то они испытали, по собственному признанию, настоящее эмоциональное потрясение.

Стремление воспитательных структур максимально распространить свое влияние на повседневную жизнь молодежи побудило их руководителей поддержать инициативу, родившуюся в середине 1920-х годов, — организацию коллективных дач. В 1925 г. такие дачи уже существовали в Московской, Ленинградской, Иваново-Вознесенской, Тверской, Нижегородской и Саратовской губерниях. А во второй половине 1920-х и начале 1930-х годов они начинают функционировать и в других регионах страны. Лучшие молодежные дачи организовывали отдых в соответствии с требованиями «новой морали», то есть без пьянства и хулиганства, без «вольных» отношений между юношами и девушками, пропагандировали «правильный и рациональный досуг, без отрыва от коллектива». Задачей дач было: «Оздоровить и воспитать!» [22. С. 5; 6. С. 4].

Указанная форма летнего отдыха приобрела популярность, естественно, не только из-за желания юных рабочих овладеть основами бытовой культуры, но и вследствие экономических причин. Не имея достаточных личных средств для выезда на загородный

отдых, молодежь охотно объединяла свои финансовые ресурсы.

К концу 1920-х годов лидеры партии-государства, желая сопроводить форсированную модернизацию страны ускоренным воспитанием «нового человека», решили распространить коллективистские отношения за пределы летнего отдыха юных пролетариев. Поэтому они высказались в поддержку идеи создания молодежных бытовых коммун. Члены коммун брали на себя следующие нравственные обязательства: быть отличным производителем; строить отношения на основе чуткости, взаимного уважения и доверия; внедрять в повседневную жизнь нормы морали; не допускать случайных половых связей, употребления спиртных напитков [18. С. 41—42; 23. С. 92—93; 1. С. 49—50].

Санитарно-гигиеническая обстановка в первых коммунах разительно отличалась от обстановки, царившей во многих молодежных общежитиях. Вот как описывала последнюю одна из заводских многотиражек: «Комната грязная, на стенах паутина, накурено, душно. Особенно — в местах общего пользования, в уборных, в передней, на кухне. Ведра, заваленные мусором, ждут, пока окончатся дискуссия насчет того, кто должен их выносить, а пока что издают резкое зловоние... Раковина, забитая окурками и всякой гадостью, тоже ждет не дожидается уборки». В той же заметке читаем: «Живут между собой ребята скверно. Дружбой, товарищескими отношениями и не пахнет. Кажется, что вокруг кровати каждого очерчен какой-то круг и заботы спящего на

этой кровати за этот круг так и не выходят. Спящий рядом может хоть повеситься, до этого нет дела никому. Зато ссоры, иногда переходящие даже в драку, процветают как в обычных ночлежках» [Цит. по: 8. С. 30]. Вот почему и небольшие изменения к лучшему в организации жизни, имевшие место в бытовых коммунах, как и само стремление молодых людей сделать свою жизнь чище в нравственном и материальном отношениях, получали самое горячее общественное одобрение.

Точное количество коммунаров установить не представляется возможным. «Комсомольская правда» писала в 1930 г. о 30 тыс. молодых рабочих, проживавших в коммунах [11. 1930. 5 февраля]. Ориентировочные подсчеты ЦК ВЛКСМ называли другую цифру — 50 тыс. человек [13. С. 24]. Также невозможно выяснить даже приблизительное количество молодежных коммун, существовавших тогда в стране. Если всесоюзное обследование, проведенное в начале 1930-х годов совместно Госпланом СССР и Институтом марксистско-ленинской педагогики, называло цифру 400 коммун, то материалы, опубликованные в журнале «Комсомольский агитпроп-работник» и касавшиеся одного лишь Бауманского района столицы, говорили о 79 коммунах и коллективах [4. С. 305]. Подобный разбой в цифрах неудивителен. Молодежные коммуны не отличались стабильностью, что объяснялось как неготовностью молодых людей к соблюдению жестких уставных требований, так и кампанейским подходом, проявлявшимся

при их организации. Административный зуд организаторов воспитания молодежи, их погоня за цифрами, которыми можно было отчитаться перед руководством, достаточно быстро дискредитировали идею. К тому же дома-коммуны, насаждаемые «сверху» и не имевшие необходимой материальной базы, оказывались подчас ничуть не лучше обычных неблагоустроенных общежитий. Один из сталинградских коммунаров рассказывал: «В доме-коммуне было множество клопов... Белье, которое мы отдавали в стирку коллективно, стирали недели по три, а мы все ходили грязными... Опустились ребята, перестали за собой следить» [16. С. 191]. Не способствовало воспитанию каких-либо нравственных качеств и принудительное обобществление предметов обихода. Не согласных же с изъятием из личной собственности брюк или ботинок прорабатывали за «буржуазные тенденции» [16. С. 172—173].

Негативное отношение у коммунаров вызывали и формально проводимые мероприятия, которые должны были, по мнению их организаторов, воспитывать молодежь в «нужном духе». Ежедневные собрания и заседания с обсуждением одних и тех же вопросов только рождали у молодежи желание покинуть коммуну. Реализуя его, один из лучших ударников Сталинградского тракторного завода писал своим товарищам: «Прощай, коммуна, дом-тюрьма» [27. 1931. 17 мая]. Таким образом, движение революционных романтиков погибло в значительной мере под натиском «организующих усилий» партийно-ком-

сомольской бюрократии. Искреннее стремление неофитов строить собственную жизнь в соответствии с прокламируемыми в обществе ценностями и идеалами выродилось в кампанию принудительного «осчастливливания». Впрочем, не следует снимать вины и с самих юных adeptов «русифицированного марксизма». Их агрессивное отношение к «недостаточно идейным» и упрямое навязывание окружающим «революционных» ценностей также способствовало развалу движения.

К указанным субъективным факторам следует добавить и обстоятельства объективного характера. Во-первых, у «нового быта» отсутствовала серьезная инфраструктура. В стране не хватало жилых домов, столовых, прачечных, клубов, т. е. всего того, что составляет материальную базу досуга, развивающего личность. Во-вторых, глубинная перестройка бытовой морали рабочей молодежи тормозилась сгущавшейся после 1929 года атмосферой взаимной подозрительности и принудительного единомыслия. Первые успехи в деле освоения рабочей молодежью «высокой» бытовой культурой, достигнутые в 1920-е годы, таким образом, не получили дальнейшего развития в условиях мобилизационной модели модернизации, избранной сталинским руководством.

В целом же, с начала 1930-х годов задача воспитания бытовой морали (и шире — изменения нравственных основ повседневности) вытесняется на периферию воспитательной деятельности культурно-просветительских и общественно-политических организаций. Смещение приоритетов

воспитания в сторону производственной жизни молодежи заметно даже по тематике выступлений вождей большевизма. Если в 1920-е годы редкий лидер партии-государства не высказывался по проблеме «борьбы за новый быт», то после 1929 г. выступления большевистских иерархов посвящены главным образом «борьбе за промфинплан». Тем самым они подавали сигнал всей государственно-общественной системе воспитания: не целостная личность должна быть главным предметом воспитания, а индивид, эффективно выполняющий свои трудовые обязанности. Позд-

нее, в 1945 г., данный поворот в цели воспитания подрастающих поколений будет сформулирован И. В. Сталиным откровенно и недвусмысленно: «человек-винтик».

Таким образом, форсирование руководством страны процессов модернизации, ставка на административные, командные методы ее осуществления похоронили весьма перспективную *стратегическую* идею реального преобразования всего образа жизни рабочей молодежи, формирования не на словах, а на деле *возвышающего* личность досуга.

Список литературы

1. Бахтерев, И. Рождение коммуны / И. Бахтерев, А. Разумовский. — Л. : [Б.и.], 1930. — 75 с.
2. Березин, П. И. Рабочая молодежь как она есть. Опыт научно-педагогического изучения молодежи одного завода / П. И. Березин, З. М. Бобров, Е. А. Гусева и др. — Л. : Прибой, 1930. — 152 с.
3. Будни социалистической стройки (Сборник опыта работы по-новому Нижегородской организации ВЛКСМ). — Н. Новгород: Нижгубком ВЛКСМ, 1929. — 103 с.
4. Галкова, О. В. Милитаризация труда, жизни и быта молодежи в 20–30-х годах / О. В. Галкова // Война и мир в историческом процессе (XVII–XX вв.): сб. научн. статей по итогам Международной научной конференции, посвященной 60-летию Сталинградской битвы. Волгоград, 15–17 апр. 2003 г. Ч. 1. — Волгоград : Перемена, 2003. — С. 290–305.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. 5451. — Оп. 10–11.
6. Известия ЦК ВЛКСМ. — М. : Соцэкгиз, 1926–1932.
7. Каган, А. Г. Летний коллективный отдых молодежи / А. Г. Каган. — М.; Л.: Гос. мед. изд., 1930. — 29, [3] с.
8. Каган, А. Быт и промфинплан (Прорыв на первой ударной) / А. Каган, Э. Мацанова. — М.; Л. : ОГИЗ : Мол. гвардия, 1931. — 64 с.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). — 9-е изд., доп. и испр. — М. : Изд-во полит. лит., 1984. — Т. 3. — 494 с.
10. Комсомол на фабриках и заводах: По материалам выборочного обследования фабрично-заводских и транспортных ячеек ВЛКСМ на 1 октября 1927 г. — М. : Молодая гвардия, 1928. — 56 с.
11. Комсомольская правда: орган ЦК ВЛКСМ. — М. : Правда, 1925–1939.
12. Красный Октябрь: газета рабочих и служащих завода «Красный Октябрь». — Сталинград, 1927–1932.
13. Ларин Ю. Строительство социализма и коллективизация быта / Ю. Ларин. — Л. : Прибой, 1930. — 61 с.

14. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. — 5-е изд. — М. : Изд-во полит. лит-ры, 1970. — Т. 45. — 730 с.

15. Луначарский, А. В. О быте / А. В. Луначарский. — М.; Л. : Гос. изд-во, 1926. — 83 с.

16. Люди Сталинградского тракторного: сб. / Сост. Я. Ильин. — М. : История заводов, 1933. — 491 с.

17. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е издание. — М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954—1981. — Т. 46. — Ч. II. — 248 с.

18. Материалы I областной конференции по социалистическому переустройству быта. 17—20 марта 1930 г. — Л. : Ленинградская правда, 1930. — 64 с.

19. Москатов, К. О бытовых болезненных явлениях в комсомоле / К. Москатов // Юный коммунист. — 1926. — № 19. — С. 40—46.

20. На путях оживления. (Год работы Ленинградского комсомола). К отчету на первой областной конференции. — Л. : Ленинградское областное бюро ЦК ВЛКСМ, 1928. — 136, [1] с.

21. На путях реконструкции. Ленинградский комсомол за 1,5 года. Отчет

Ленинградского обкома ВЛКСМ ко II областной конференции. — Л. : [Б. и.], 1929. — 225 с.

22. Найштат, А. Г. Коллективные дачи: Практическое руководство / А. Г. Найштат, И. А. Рывкин, А. И. Сосновик. — М. : Молодая гвардия, 1930. — 63 с.

23. Найштат, А. Г. Коммуны молодежи / А. Г. Найштат, И. А. Рывкин, А. И. Сосновик. — М. : Молодая гвардия, 1931. — 95 с.

24. Отчет Ленинградского губернского комитета ВЛКСМ XIII губконференции. — Л. : Ленинградский губком ВЛКСМ, 1927. — 104 с.

25. Отчет Центрального комитета ВЛКСМ IX Всесоюзному съезду. М. : Мол. гвардия, 1931. — 131, [2] с.

26. Очерки истории русского советского драматического театра. В 3 т. Т. 1. — М. : АН СССР, 1954. — 783 с.

27. Резервы: орган Сталинградского губкома ВЛКСМ, затем городского комитета ВЛКСМ. — Сталинград, 1926—1932.

28. Трезвость и культура: орган общества борьбы с алкоголизмом. — М. : Госмедиздат, 1928—1932.